

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
(КарНЦ РАН)

На правах рукописи

Казакова Мария Владимировна

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

об основных результатах научно - квалификационной работы (диссертации)
на тему: «**Проблемы билингвизма в поэзии А.И. Мишина 1970 - 1990-х
годов**»,
подготовленной в соответствии с требованиями
Федерального государственного образовательного стандарта
высшего образования по направлению 45.06.01 Языкознание и литературоведение
(уровень подготовки кадров высшей квалификации)

Научный руководитель:
Доктор филологических наук
Е. И. Маркова

ВВЕДЕНИЕ

Билингвизм или двуязычие – распространённое явление во всем мире. Современный человек, как правило, знает несколько языков, и это даёт ему возможность реализовать свой потенциал в многонациональном и поликультурном пространстве.

Билингвизм – одно из самых ярких проявлений межкультурной коммуникации, которую, согласно С. Г. Тер-Минасовой, принято определять как «общение людей, представляющих разные культуры» [Тер-Минасова, с. 13]. По словам исследователя, язык является неотъемлемой составляющей процесса формирования этноса. Подчеркнем, что акцент сделан на двух понятиях: язык и этнос, на их взаимообусловленности в процессе формирования национального самосознания.

Билингвом, по определению Е. М. Верещагина, является носитель двух систем общения (т.е. человек, способный употреблять при коммуникации две языковые модели) [Верещагин 1969].

Билингвизм давно является предметом пристального внимания многих исследователей разных областей гуманитарной науки. Интерес учёных к билингвизму связан, прежде всего, с широкоформатностью данной проблемы. Двуязычие изучается в лингвистике, социологии, психологии, социолингвистике. Изучением разным аспектов билингвизма занимались такие учёные, как У. Вайнрайх, Е. М. Верещагин, Ю. А. Жлуктенко, В. Ю. Розенцвейг, С. Г. Тер – Минасова Л. В. Щерба и др.

Несмотря на обилие работ, посвященных разным аспектам данного явления, художественный билингвизм по-прежнему остаётся, с одной стороны, объектом пристального внимания учёных, с другой, малоизученным явлением. На наш взгляд, это следствие частности (авторского индивидуализма) и локальности художественного билингвизма, проистекающего из степени владения творческой личностью двумя языками и особенностей национальной культуры, в рамках которой творит билингв, а также специфики взаимодействия двух культур в сознании автора.

Природу художественного билингвизма рассматривали в своих работах У. Б. Абдуллоева, М. Амалбекова, Х. З. Багироков, Т. Ш. Баттирова, У. М. Бахтикиреева, И. И. Валуйцева, Р. П. Васильева, Г. Д. Гачев, А. А. Гируцкий, И. Н. Григорьев, С. А. Гринберг, Ч. Г. Гусейнов, А. В. Камитова, В. В. Кораблёва, Е. Н. Кремер, А. В. Кузнецова, Т. Г. Логинова, Ш. А. Мазанаев, Н. Г. Михайловская, И. Ю. Мишинцева, Л. А. Нефёдова, Е. В. Плотникова, Р. Туксаитова, Ю. Г. Хазанкович, Б. Хасанов, Г. Т. Хухуни, А. А. Чикваидзе.

Учёные сходятся во мнении, что в современном глобальном мире культуры находятся в постоянной коммуникации, что способствует их обогащению и развитию. Отдельно взятая национальная культура не может существовать отстранённо или замкнуто от других культур. Творческая билингвальная личность как продукт культур являет миру текст, в котором отражается межкультурный диалог на лексическом, синтаксическом, тематическом, символическом и метафорическом уровнях.

У. М. Бахтикиреева в своём диссертационном исследовании рассматривает особенности трансляции национального культурного кода в русском тексте билингвального автора. Говоря о природе билингвального художественного текста, исследовательница пишет, что в подобных текстах «описывается национальный образ «первичной» культуры средствами «вторичной» языковой культуры, что выводит на познание, как природы билингвальной личности через ее приобретенный - русский язык, так и неисчерпаемых возможностей языка. Причем речь идет о языке, выражающем через свою систему речевых знаков значения, которые присущи иному языку» [Бахтикиреева, с. 6-7]. Такой текст знакомит русского читателя с особенностями иной культуры, расширяет границы его мировосприятия.

Эта мысль подтверждается в исследованиях Р. О. Туксаитовой: «Русский язык, являясь средством существования художественного произведения, не может быть лишь формальной стороной текста. Русская языковая основа с необходимостью вносит в текст содержание,

соответствующее русской картине мира, русскому взгляду на действительность. Так формируется категориально значимый для билингвистического художественного текста фундамент диалога культур» [Туксайтова 2006, с. 126].

Анализируя художественный билингвизм на материале казахской русскоязычной литературы, автор приходит к выводу, что в основу художественного билингвизма заложен принцип толерантности или терпимости к чужой культуре, изучение которого является необходимым в современном многонациональном культурном пространстве.

В основе любой нации лежит язык, который отражает богатство культурного субстрата, накопленного многими поколениями. По словам С. А. Гринберга, «язык одновременно является условием существования культуры, ее важной частью и продуктом. Билингвизм – феномен, который включает в себя не только знание нескольких языков, но и способность воспринимать мир через призму этих языков» [Гринберг 2015, с. 326].

Билингвальный автор, носитель двух культур, преломлённых в языках, проецирует две языковые картины мира, сосуществующие друг с другом и взаимообусловленные в одном билингвальном сознании. Таким образом, билингвальный автор создаёт текст, в котором зафиксирована национальная картина мира конкретного этноса, его культурный субстрат. Являясь частью обеих культур, аккумулируя духовный опыт предков, используя в своём творчестве языковые коды разных лирических подсистем, автор-билингв вступает в интеркультурный диалог сознания, отражающийся в художественной картине мира двуязычного автора.

Согласно концепции М. М. Бахтина, диалог между равноценными сознаниями, рефлектирующими над собой и окружающей действительностью, предстаёт перед нами как акт творчества, результатом которого становится собственный, независимый взгляд на мир, приводящий к осмыслению и определению онтологического значения своего собственного «я» [Бахтин 1979].

Билингвальный диалог сознания отражает художественную картину мира автора-билингва через его ценностно-мировоззренческие представления, через систему символов, свойственных той или другой культуре. Национальная самоидентификация автора проявляется в тексте произведения, независимо от того, на каком языке оно написано, в выборе автором поэтических средств изображения, в созданных им художественных образах, в тематическом отборе.

В России проживают представители многих народов, говорящих не только на русском языке, но и на своём родном. Поэтому ученые чаще обращаются к изучению проблемы национально-русского билингвизма в художественном творчестве.

Многие исследователи приходят к выводу, что писатели-билингвы обращаются к русскому языку, поскольку на нем им проще выражать свои творческие идеи. Интересным нам кажется замечание Г. Д. Гачева о причинах такого перехода, «писатели в своём родном языке не имеют такой развитой системы, и потому родной язык их сковывает» [Гачев 1988, с. 145].

Благодаря своей культурной, географической и исторической специфики Республика Карелия всегда была и есть многонациональной (на данной территории проживают коренные народы карелы (ливвики, людики, северные карелы), вепсы, русские и приравненные к коренным народам финны), то здесь наблюдается иная ситуация. Некоторые финно-угорские авторы начинают свою творческую деятельность как русскоязычные писатели, среди них: финн-ингерманландец Олег Мишин - Армас Хийри, финн – Рейо Такала, карел-ливвик Александр Волков, вепс Николай Абрамов). Освоив русское словесное искусство, они обращаются к своим родным языкам и уже продолжают творческий путь как писатели-билингвы, создавая аутентичные произведения и на русском, и на своём родном языке.

Литература Карелии фактически сложилась в начале XX века. Говоря о литературе Карелии, мы подразумеваем многонациональную литературу, которая развивается на четырёх языках: русском, финском, карельском

(представлена на трёх наречиях карельского языка: собственно-карельском, ливвиковском, людиковском) и вепском.

По словам карельского учёного, доктора филологических наук Э. Г. Карху, литература Карелии – «многообразна и разнородна по своему этническому происхождению, внутреннему составу и специфике. Исторически и территориально она охватывает не только нынешнюю Республику Карелии, но и Ингерманландию. Рождалась и развивалась она в разной этнической и этнокультурной среде, на разных языках и диалектах» [История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3. 2000, с. 433].

Русская литература Карелии, являясь частью национальной литературы края, имеет богатую фольклорную традицию. «В XIII – XVII веках развивалась и письменная литература, получили распространение произведения житийного жанра» [История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3. 2000, с. 7].

Как правило, XVIII век в истории русской литературы связывают с появлением и развитием словесности Нового времени. А в этом северном регионе, наоборот, продолжает развиваться древнерусская письменная культура, чему способствует обилие старообрядческих поселений и, прежде всего, Выговского поморского общежития, известного своими писателями (И. Филиппов, А. и С. Денисовы, М. Петров и др.) [История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3., 2000].

К литературе Нового времени в XVIII веке исследователи, как правило, относят произведения первого губернатора Олонецкого края Г. Р. Державина, посвященные этим местам. В XIX веке это уже не только стихи известных русских поэтов Ф. Н. Глинки и В. Г. Бенедиктов, связанных в отдельные периоды своей жизни с олонецким краем, но и поэтические и исторические произведения местных авторов, прежде всего, Тихона Васильевича Баландина, академическое собрание сочинений которого увидело свет в 2016 году [Баландин 2016].

Несмотря на ряд интересных опытов, литература Карелии как единство русской словесности и словесности на трех прибалтийско-финских языках складывается в 1920-е годы. В этот период заявляют о себе молодые писатели: А. Линевский, А. Иванов, И. Кутасов, С. Норин, В. Гудков. Послевоенное десятилетие обогатило русскую литературу Карелии произведениями, рассказывающими о недавнем прошлом страны, о жизни родного края прозой Д. Гусарова, А. Линевого, Ф. Трофимова, В. Чехова, лирикой Б. Шмидта, М. Тарасова, М. Сысойкова, В. Морозова.

В 1960-1980-е годы наметился значительный поворот литературы в сторону духовно-нравственных исканий героя, авторы исследуют морально-этическую сторону жизни, анализируют истоки становления и развития национальной самобытности народа.

В русской лирике Карелии зазвучали голоса как молодых, так и уже состоявшихся поэтов: Ю. Линника, О. Мишина, Р. Такала, М. Тарасова, И. Костина, Н. Федорова, В. Сергина, В. Устинова, Е. Николаевой, М. Сысойкова, В. Судакова. В прозе наиболее известны повести о Великой Отечественной войне Д. Гусарова, цикл романов «Государи московские» Д. Балашова, художественная этнография В. Пулькина, произведения о современности А. Панкратова, Б. Кравченко, В. Соловьева, А. Суржко и др.

Повторим, что литературный процесс в Карелии начался фактически в 1920-е годы, и поначалу он создавался, прежде всего, силами финноязычных писателей – иммигрантов, приехавших в Карелию в 1920-е годы после поражения революции в Финляндии в 1918 году. Вторая волна иммиграции пришлась на 1930-е годы – годы Великой депрессии, когда в Россию устремились финны, проживавшие в Канаде и США, на строительство нового социалистического общества.

Среди финнов-иммигрантов были талантливые люди, у многих из них уже был писательский опыт, на Западе они публиковали очерки, заметки, статьи, рассказы в газетах и журналах. Литературное движение в Карелии возглавили Ялмари Виртанен, Сантери Мякеля, Оскар Иогансон, Хильда

Тихля, Рагнар Руско, Лаури Летонмяки, Эмиль Паррас, Микаэль Рутанен. По данным переписи 1926 года финское население территории Карелии составляло 2544 человека, а в 1933 году оно же увеличилось до 12088 человек¹.

В 1923 году в Петрограде было основано издательство «Kirja» («Книга») (с 1927 года функционировал Карельский филиал), задачей которого стал выпуск печатной продукции на финском языке. Э. Л. Алто пишет, «финноязычная периодика 1920-х годов целенаправленно способствовала развитию национальной культуры и литературы Карелии и Ингерманландии» [Алто 1997, с. 35], о чем свидетельствует внушительный перечень периодических изданий на финском языке, выпускаемый финноязычной интеллигенцией края. Значимую роль в развитии художественной словесности Карелии на финском языке сыграли литературно-художественные журналы: «Soihtu» («Факел», 1927-1930), «Punakantele» («Красное кантеле», 1928-1931), «Kevätvyöry» («Весенний поток», 1929-1935), «Kirinä» («Искра», 1932), «Kirja» («Книга», 1932), «Rintama» («Фронт», 1932-1937), «Карелия» (на карельском языке, 1938-1940).

Финны-иммигранты стояли у истоков зарождения национального, профессионального искусства региона. К началу 1930-х годов повсеместно в республике создаются профессиональные и любительские творческие коллективы, по радио звучат передачи на финском языке, в 1932 году свои двери открыл Карельский национальный драматический театр под руководством Рагнара Нюстрема (участник рабочей революции в Финляндии 1918 года, с 1922 года жил в СССР), Калле Раутио (финн по национальности, приехавший в Карелию в 1922 году из США) был организатором симфонического ансамбля Карелии.

¹ Данные приведены из книги: Такала, И. Р. Финны в Карелии и в России : История возникновения и гибели диаспоры / И. Р. Такала. - "Нева". - Санкт-Петербург, 2002. – С. 25.

Значительный вклад в зарождение и развитие литературы края внесли финны-ингерманландцы, проживавшие на территории Ингерманландии (ныне Ленинградская область), которые говорили на диалекте финского языка. Большинство финнов-ингерманландцев были грамотными благодаря постоянной поддержке миссионеров из Финляндии, которые вели просветительскую деятельность среди населения, издавали на финском языке духовную и образовательную литературу, газеты и календари.

Одним из известнейших писателей-ингерманландцев был Леа Хело (наст. имя Тобиас Гуттари; 1907 – 1953), участвовавший в организации Карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), был редактором журнала «Punakantele» («Красное кантеле»).

Ингерманландское население республики значительно пополнилось в период после Великой Отечественной войны, когда в Карелию прибыли многие ингерманландские семьи, депортированные ранее из Ленинградской области в Сибирь. Им запретили возвращаться в родные места, поэтому они поселились в Карелии, которая культурно и географически была им близка.

В послевоенный период в литературе Карелии зазвучали новые имена. Карелы по национальности, выходцы из северных районов Беломорской Карелии, где были записаны карельские эпические песни (руны), ставшие основой «Калевалы», Яакко Ругоев, Николай Лайне, Николай Яккола, Антти Тимонен, Ортё Степанов, Пекка Перту писали о непростой судьбе карельского народа на финском языке. Выбор языка творчества был обусловлен, прежде всего, тем, что вплоть до середины 1980-х годов финский язык был языком повсеместного использования наряду с русским, а северное наречие карельского языка по своему лексическому, грамматическому и синтаксическому составу близко к финскому языку. Отметим также, что письменности на карельском языке не существовало до 1980-х годов, отдельные попытки в 1920-30-е годы по её созданию и внедрению не увенчались успехом. Тем не менее, писатели, например, Яакко Ругоев, Антти Тимонен, использовали карельский язык в монологах и

диалогах своих героев, подчёркивая, тем самым, их национальную самобытность.

Хотя литература Карелии с самого начала развивалась как билингвальная, по-настоящему она заявила о себе в этом качестве в 1970-е годы.

В 1980-е годы появляются первые произведения на карельском языке: на собственно-карельском наречии сборник рассказов П. Пертту «Vesiperän rakinoita» («Лукавинки», 1980), на ливвиковском - сборники стихов В. Брендоева «Anusrandaine» («Край мой олонецкий», 1980), «Niilau huoli» («Горячая забота», 1983), «Kadajikko» («Можжевательник», 1986), «Sä olet armas» («Ты мне мила», 1989), сборник рассказов «Kyl'mil» («На постое», 1988), и сборник рассказов и стихотворений П. Лукина «Tuhkimus» («Золушка», 1981).

На волне национального ренессанса в конце 1980-х - начале 1990-х годов поэт М. Пахомов начал публиковать свои стихи на людиковском наречии карельского языка, а карел-ливвик А. Л. Волков и вепс Н. Абрамов, вошедшие в литературу Карелии как русские поэты, начинают писать стихи на национальных языках.

Здесь стоит обратиться к классификации типов художественного билингвизма Ч. Г. Гусейнова [Гусейнов 1972]. Ученый предлагает пять типов художественного билингвизма, которые, по нашему мнению, дают наиболее полную картину специфики творческой деятельности писателей-билингвов поликультурной страны:

- 1) творчество на национальном языке и авторский перевод на русский;
- 2) творчество на русском языке с последующим переводом на национальный язык;
- 3) параллельное творчество на национальном и русском языках без самоперевода;

4) временный или постоянный переход с двуязычия на одноязычие русское или национальное, при котором произведение не переводится автором на национальный язык в первом случае и русский – во втором;

5) творчество лишь на русском языке, которое причисляется к национальной литературе.

Ч. Г. Гусейнов также считает, что в области художественной литературы билингвами могут выступать как авторы и переводчики художественных текстов, так и их читатели. Другими словами, в данном случае художественный билингвизм – это творчество писателей – билингвов, направленное на удовлетворение потребностей читательской аудитории.

Писатели, стоявшие у истоков зарождения литературной традиции, творили на разных языках – русском и финском, финском и карельском. Несмотря на неродственность языков, у русскоязычных и финноязычных писателей много общего и прежде всего это связано с их единой культурной средой. И те и другие «черпают материал для своих произведений из жизни Карелии, в её настоящем и прошлом» [Хурмеваара 1959, с. 132]. И, несомненно, этот единый культурный, исторический и территориальный пласт даёт основание предполагать наличие в литературе Карелии, как схожих тем произведений, так и характерных национальных черт героев в русскоязычных и финноязычных произведениях карельских писателей.

«Национальная специфика, - продолжает А. Г. Хурмеваара, - проявляется не только в содержании литературы, но и в её форме» [Хурмеваара 1959, с. 130]. Исследовательница отмечает, что именно в языке наиболее ярко проявляются национальные черты, связанные с условиями проживания, культуры разных народов, их устно-поэтического наследия.

Итак, подытоживаем: индивидуальный творческий стиль писателя, несомненно, связан с его корнями, с его национальным духом и культурой, заложен национальной природой края, характером народа.

В диссертационном исследовании мы обращаемся к билингвальному творчеству народного поэта Карелии А. И. Мишина (Олега Мишина –

Армаса Хийри) (1935-2018), финна-ингерманландца по рождению, на русском и финском языках. А. И. Мишин вошёл в литературу Карелии как русский поэт Олег Мишин в середине 1950-х годов. Первые сборники стихов на русском языке выходят уже в 1960-е годы: «В дорогу» (1961), «Голубая улица» (1963), «Бессонница» (1966). Обращение поэта к «языку отцовскому» обусловлено, прежде всего, желанием поэта познать язык, культуру и традиции предков, потребностью самого автора говорить и писать на нем. Его стимулировала финноязычная культура Карелии, которая в конце 1960-х годов переживала подъем. Поэту пришлось практически заново осваивать язык и учиться использовать его в своём творчестве для выражения художественной мысли. В 1968 году впервые им были изданы стихотворения на финском языке под фамилией Армас Хийри. Оба языка – русский и финский – становятся языками реализации творческого потенциала поэта. Финн по происхождению, Тайсто Сумманен считал, что Армас должен выучить родной язык и начать писать на нём стихи. Отметим, что для Мишина важно было не просто выучить язык, а начать думать на нём, то есть вернуть свою национальную идентичность, посредством которой он вновь сможет ощутить себя в родительском доме, пускай и не физически. В этот же период на родном финском языке пишет стихи Р. Такала, финн по национальности, тоже начинавший как русский поэт. Именно с 1970-х годов, мы можем говорить о творчестве Мишина как о билингвальном.

В диссертационной работе мы проанализируем развитие билингвального творчества поэта А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) с 1970 по 1990-е годы, остановимся на тематическом наполнении лирики поэта на двух языках, рассмотрим национальную специфику его двуязычного творчества и диалог билингвального сознания автора, воплощенного в поэтическом произведении на русском и финском языках.

Актуальность исследования. Художественный билингвизм как часть литературной эстетики, отражающей картину мира двуязычного автора с точки зрения национальной самобытности, взаимодействия и взаимовлияния

разный культур в одном сознании, является актуальной исследовательской проблемой мирового литературоведения. Наше исследование обусловлено необходимостью осмысления художественного билингвизма в его авторском преломлении на материале творчества на двух языках, русском и финском, поэта А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) в контексте литературы Карелии.

Предмет исследования. В диссертационной работе исследуются особенности отражения индивидуально-авторской картины мира в творчестве билингвального автора А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) в 1970 - 1990-е годы, специфика репрезентации национальной идентичности, обусловленной диалогом и синтезом двух культур, характерные черты единой билингвальной системы Мишина.

Объект исследования – лирика А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) как феномен художественного билингвизма литературы Карелии. Основу исследования составляют сборники стихов на русском и финском языках, вышедшие с 1970-е по 1990-е годы: «Солнечный день» (1970), «Теплотрасса» (1972), «Второе зрение» (1973), «Тревожность» (1978), «Ikkuhani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир») (1976), «Снег на пушках» (1980), «Мгновения» (1982), «Сопричастность» (1985), «Juuret avaruuteen» («Врастать корнями в небо») (1980), «Kotikyläni pääskysel» («Ласточки моей деревни») (1986), «Свет рябиновый» (1990), «Inkeriläisen laulu» («Песнь ингерманландца») (1995), «Aika muuttuu meissä» («Время изменяется в нас») (1992).

Цель исследования – описание феномена художественного билингвизма на примере творчества поэта А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) на русском и финском языках как часть литературного процесса словесности Карелии XX века.

Поставленная цель диссертационного исследования предполагает реализацию следующих **задач**:

- определить понятие «художественный билингвизм», коннотацию данного концепта;
- представить историографию изучения феномена художественного билингвизма в зарубежных и отечественных исследованиях;
- описать жизненный и творческий путь народного поэта Карелии А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри), его опыт билингвального творчества и значение его двуязычной лирики в контексте литературы Карелии;
- проанализировать особенности развития художественного билингвизма в творчестве А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) с 1970-х по 1990-е годы;
- раскрыть роль исторической памяти в национальной картине мира, отражённой в билингвальном тексте автора;
- рассмотреть, как отражается диалог культур в текстах автора-билингва;
- проследить процесс этнической идентификации лирического героя в билингвальной лирике поэта;
- выделить различия в отражении художественной действительности в русскоязычных и финноязычных текстах поэта А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри), обусловленные индивидуально-авторским восприятием окружающего мира;
- обосновать значение изучения художественного билингвизма как отражение взаимовлияния и взаимообогащения культур в поликультурном и многонациональном мире.

Степень разработанности темы.

Изучаемая тема художественного билингвизма достаточно плодотворно разрабатывается в трудах зарубежных и отечественных

исследователей. Особенно выделим работы, выполненные на материале творчества писателей бывшего Советского Союза, и высказывания по этому поводу самих писателей: У. Б. Абдуллоевой, Ч. Т. Айтматова, М. Амалбековой, М. Апышева, У. М. Бахтикиреевой, А. А. Гируцкого, С. А. Гринберг, Ч. Г. Гусейнова, Ш. А. Мазанаева, Р. О. Туксайтовой, Б. В. Хасанова. Также значимыми для нашей исследования являются работы, посвященные финно-угорским писателям и представителям малочисленных народов Севера: В. Г. Гавриловой, Х. Гренстранд, Е. А. Жиндеевой, А. В. Камитовой, Ю. Г. Хазанкович, С. С. Шляховой. Данный аспект рассматривается и в работах финляндских ученых Т. Курки, М.-Л. Пунта-Саастамойнен. Интересными представляются работы, рассматривающие билингвизм в художественной деятельности на примере творчества двуязычных писателей в мировой литературе: Т. Ш. Биттировой, И. И. Валуйцевой, Ю. А. Дрейзис, А. В. Кузнецовой, Ж. Н. Масловой, И. Ю. Мишинцевой, Л. А. Нефедовой, Е. В. Плотниковой, Г. Т. Хухуни. Важны общетеоретические работы, освещающие билингвизм с разных аспектов: Х. З. Багиорокова, Г. Д. Гачева, И. Н. Григорьева, З. З. Зекох, Е. Н. Кремер, Н. Г. Михайловской, А. А. Чикваидзе. Свой вклад в разработку проблемы художественного билингвизма внесли филологи Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Карельского научного центра РАН. Впервые в академический труд по истории конкретной литературы, в данном случае – литератур (русской, финноязычной, представленной писателями финнами и карелами, карельской (на 3-х наречиях: собственно-карельском, ливвиковском и людиковском) и вепсской), они включили новый контекст – билингвальный [Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей // История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3., с. 361-388]. Нельзя не остановить внимание на работах карельских ученых Петрозаводского государственного университета, посвященных смежным темам исследуемой проблематика: Т. И. Старшовой, И. А. Спиридоновой.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют работы известных литературоведов и философов: М. М. Бахтина (концепция монолога и диалога в художественном произведении), Ю. М. Лотмана (теория взаимообусловленности литературы и культуры), исследования в области языковых контактов и коллективного билингвизма Е. М. Верещагина, Л. С. Выготского, Л. В. Щербы, С. Г. Тер-Минасовой, Б. М. Есаджанян, а также русско-болгарского ученого Г. Д. Гачева (работы о национальном аспекте в художественном творчестве), известного венгерского исследователя П. Домокоша (о специфике развития финно-угорских литератур).

Методы исследования.

При решении поставленных задач в работе были использованы следующие методы: биографический, сравнительно-исторический, культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический.

Научная новизна работы заключается в том, что диссертационное исследование представляет собой первую в литературоведении Карелии работу, посвящённую осмыслению проблемы билингвального художественного творчества на материале лирики поэта А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри).

Теоретическая и практическая значимость работы.

Материалы и результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке новой версии истории литературы Карелии и монографий, посвящённых творчеству писателей-билингвов, а также преподавателями ВУЗов при подготовке курса лекций «История литературы Карелия», учебно-методических рекомендации и учебных пособий, учителями школ, при планировании уроков по литературе и культуре Карелии, учащимися и студентами при подготовке рефератов, курсовых, выпускных квалификационных и магистерских работ. Автором диссертации выработана методика анализа билингвального художественного творчества

писателя, которая может быть использована при подготовке историй литератур народов России, при анализе которых им предлагается в обязательном порядке вводить билингвальный контекст.

Структура диссертации определена предметом исследования и поставленными задачами. Работа состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения и списка литературы. Структура научного доклада включает введение, основное содержание пяти глав, заключение, список цитированной литературы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Во Введении дается характеристика темы исследования, обосновывается ее актуальность и значимость для литературоведения Карелии, представляется методологическая база, определяется объект и предмет исследования, освещена степень ее научной разработанности, сформулированы цель и задачи, раскрыты научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «Проблемы художественного билингвизма и современное литературоведение» посвящена теоретическим аспектам, связанным с понятием «художественный билингвизм». Данное явление рассматривается нами как литературный процесс и его результат, при котором писатель продуктивно использует две языковые системы, наделённые автономными речевыми кодами. Проникновение в текст произведения неродных языковых единиц, элементов другой культуры обусловлено дихотомичностью восприятия окружающего мира автором-билингвом, при котором две картины мира, тем не менее, преломляясь в сознании индивида, образуют новый продукт, в нашем случае, текст, наделённый уже новыми смыслами и содержанием.

Являясь частью обеих культур, аккумулируя духовный опыт предков, используя в своём творчестве языковые коды разных лирических подсистем, автор-билингв вступает в интеркультурный диалог сознания, отражающийся в художественной картине мира двуязычного автора.

Результатом билингвального сознания, полемического по своей специфике, становится художественный текст, в котором отражается национальная специфика, свойственная донорской культуре вне зависимости от языка творчества. Реципиентная же культура актуализирует ментальную информацию, полученную в результате познания и анализа окружающей билингвальной действительности.

Во второй главе «Армас Иосифович Мишин (Олег Мишин – Армас Хийри) 15.02.1935-09.10.2018. Жизнь и творчество. Краткий биографический очерк» рассказывается о жизненном и творческом пути автора.

Армас Иосифович Мишин родился 15 февраля 1935 года в деревне Пустошка Мгинского района Ленинградской области в семье финнов-ингерманландцев. После смерти в отца в 1939 году мать Армаса осталась одна с двумя детьми: Армасом (4 года) и младшим братом Феликсом. В 1941 году практически всех жителей деревни, в основном это были женщины, старики и дети, эвакуировали в тыл. Таким образом, они втроем оказались в селе Усть-Заостровск Омской области, где будущий поэт учился в русской школе.

Оказавшись в новом языковом окружении, Армас Иосифович забывает родной финский язык, а имя Армас, непривычное для русского человека, зазвучит по-новому, по-русски, - Алик (для друзей) или Олег. Фамилия отца Хийри, вследствие того, что мать-финка, плохо говорившая по-русски, не смогла чётко произнести Мышин («hiigi» в переводе с финского «мышь»), будет записана как Мишин.

В 1949 году их вынудили уехать из Омска, где Армас вместе с матерью проживал последующие послевоенные годы. Таким образом, Мишин оказался в Карелии в русском поселке Шала, где в районном центре городе Пудож² он окончил Пудожское педагогическое училище (1954).

В литературу Карелии А. И. Мишин входит как русский поэт в 1954 году, публикуя первые стихи в местной периодической печати. Окончив в 1959 году историко-филологический факультет Карельского государственного педагогического института, он работает учителем русского языка и литературы в школе рабочей молодежи.

² Город Пудож расположен на юго-востоке Республики Карелия, на правом берегу реки Водла. Первые упоминания о Пудоже (Пудоге) датируются концом 14 века. В Пудоже и Пудожском районе проживает преимущественно русское население Карелии

В 1960-е годы увидели свет русскоязычные поэтические сборники «В дорогу» (1961), «Голубая улица» (1963), «Бессонница» (1966). В своих первых стихах поэт воспевает красоту и созидательную силу человеческого труда, где даже восхищённое созерцание природы подчинено пульсирующему биению трудового сердца народа. Уже в ранних стихах намечился образ лирического героя - путешественника, смотрящего на мир сквозь окно поезда (машины), но точно подмечающего все оттенки проносящихся мимо мгновений. Литературоведы А. Г. Гидони, Л. Я. Резников, Е. И. Маркова отмечают, что мотив пути выходит на первый план в лирике поэта, он создает образ путешественника, который способен по-настоящему, искренне прочувствовать красоту момента.

Живя в Карелии, где ещё сохранялось серьёзное влияние финской культуры, где работали выдающиеся писатели и поэты, творившие на финском языке (Т. Сумманен, Н. Яккола, Я. Ругоев), Олег Мишин начинает ощущать утрату родного языка, что и подвигло его к изучению финского языка в конце 1950-х годов.

Именно желание снова говорить на родном языке, познать культуру своих предков, приводит Мишина в 1967 году в аспирантуру Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Здесь под руководством известного ученого Э. Г. Карху, он приступает к изучению литературы Финляндии и пишет диссертацию на тему «Поэты левой группы «Кийла» («Клин») и их роль в развитии прогрессивной литературы Финляндии» (1971).

Годом ранее его принимают на должность младшего научного сотрудника сектора литературы Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии Наук СССР, где он проработал до 1985 года. За период работы в Институте им было подготовлено 2 раздела в книге Э. Г. Карху «История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX века» (1979), монография «Творчество Эльмера Диктониуса и проблемы шведоязычной литературы Финляндии» (1987), десятки статей о проблемах

литературы Финляндии и Карелии, сборник статей «Весомость слов простых» (1982).

В 1985 году Мишин переходит на должность заместителя председателя Союза, а в 1990-го года его избирают председателем правления Союза писателей Карелии. Во время работы в Союзе писателей Карелии он продолжает свою творческую, научную, переводческую и просветительскую деятельность. В 1988 году из-под пера поэта выходит книга для юношества «Путешествие в «Калевалу»» (1988), посвященная процессу создания эпоса, а также его особенностям как художественного произведения, в 1998 году был опубликован новый перевод эпоса «Калевалы» выполненный А. И. Мишиным совместно с фольклористом Э. С. Киуру, в 2001 году А. И. Мишин и Э. С. Киуру издают монографию «Фольклорные истоки «Калевалы»» (2001), посвящённую фольклорной основе эпоса, этапам её создания, авторству и собственному опыту перевода.

За более чем 60-летний творческий путь А. И. Мишин (Олег Мишин – Армас Хийри) опубликовал 13 сборников стихов на русском языке («В дороге» (1961), «Голубая улица» (1963), «Бессонница» (1966), «Солнечный день» (1970), «Теплотрасса» (1972), «Второе зрение» (1973), «Тревожность» (1978), «Снег на пушках» (1980), «Мгновения» (1981), «Сопричастность» (1985), «Свет рябиновый» (1990), «На российском ветру» (2000), «Сквозь ливни и метели» (2004), 7 на финском («Ikkunani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир») (1976), «Juuret avaruuteen» («Врастать корнями в небо») (1980), «Kotikyläni pääskysel» («Ласточки моей деревни») (1986), «Aika muuttuu meissä» («Время изменяется в нас») (1992), «Sillä aikaa kun siivet kasvavat» («Время, когда вырастают крылья») (2000), «Pihlajainen kotimaan» («Рябиновая родина») (2008), «Neljä kotimaata» («Четыре родины») (2015) и 1 на финском и русском языках «Inkeriläisen laulu=Песнь ингерманландца» (1995).

Для А. И. Мишина творчество на финском языке - это и покаяние своему народу за невольное отступничество, это и стремление воссоздать в

стихах утраченную Родину. Особенно остро мотив утраты родины зазвучит в финноязычной лирике 1990-х годов, он будет оплакивать судьбу Ингрии и ингерманландцев, сильных и трудолюбивых людей, развеянных не по собственной воле по миру, оторванных от своих корней и малой родины.

Символично, что сборник избранных финноязычных стихов Мишина - Хийри, вышедший в 2015 году к юбилею поэта, назван «Neljä kotimaata» («Четыре родина»). Здесь Мишин - Хийри однозначно и окончательно определяет свою идентичность и свою принадлежность к двум культурам. Сердце и душа поэта – «билингвальны»: его финские родины – Ингерманландия и Финляндия, русские – Сибирь и Карелия.

Обратим особое внимание на то, что анализируя творчество А. И. Мишина на двух языках будем использовать двойное написание имени поэта: О. Мишин – А. Хийри (Мишин – Хийри), поскольку сам поэт подписывал свои русские стихи именем Олег Мишин, а финские – Армас Хийри, в остальных случаях будем использовать паспортное имя А. И. Мишин (Мишин).

Третья глава «Билингвальная лирика О. Мишина – А. Хийри 1970-х годов: тематика и поэтика» анализирует первый билингвальный этап творчества поэта.

В это десятилетие русскоязычная лирика Мишина - Хийри представлена четырьмя сборниками «Солнечный день» (1970), «Теплотрасса» (1972), «Второе зрение» (1973), «Тревожность» (1978) и одним финноязычным сборником «Ikkunani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир») (1976).

Первые два выше названные сборники стихов О. Мишина – А. Хийри 1970-х гг. являются своеобразным итогом. В них вошли многие стихотворения 1950-1960-х годов, воспевавшие силу человеческого духа, красоту и поэзию труда, а также созвучные им стихотворения 1970-х годов. Надо отметить, что в сборниках стихов «Второе зрение» (1973) и

«Тревожность» (1978) мажорная интонация лирики первых двух сборников сменяется раздумчивой, в этом же ключе и финская книга стихов.

Это подтверждается и самими названиями книг. Если сборники 1970 и 1972 годов Мишин – Хийри называет ярко, жизнерадостно, оптимистично «Солнечный день», «Теплотрасса», что в целом соответствует их общему настроению, то уже в 1973 году появляется книга «Второе зрение», в названии которого прослеживается некая напряжённость, определённый эмоциональный настрой. Второе зрение можно трактовать двояко: это и новый угол зрения на окружающую действительность, то есть прозрение, это и предчувствие, предсказание, предвидение чего-то грядущего в будущем. Именно этим «вторым зрением» лирический герой начинает смотреть на мир.

Новый взгляд на мир отражен и в названии финского сборника Мишина – Хийри «Ikkinani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир») (1976). Мотив напряженности продолжает развиваться. Лирический герой лишь следит за происходящим вокруг, автор отгораживает его от непосредственного участия окном – символом некоего переходного, пограничного состояния. Результатом наблюдения за миром становится нарастающее смятение, беспокойство, что отразилось в названии четвёртого сборника этого периода «Тревожность» (1978).

Для лирики поэта 1970-х годов характерна проекция человеческого бытия на природный мир, попытка обрести гармонию в хаосе повседневной действительности. Тема природы является доминирующей темой, как финноязычной, так и русскоязычной лирики Мишина - Хийри этого периода. Природа в его стихах – это близкий друг, который проживает жизнь вместе с лирическим героем, сопереживая ему.

Поэт рассуждает о проблеме ответственности каждого индивида за судьбу природного мира. Человек и конкретно – лирический герой берут пример жизнестойкости, выносливости и жизнелюбия с природы. Не всегда человек выступает другом природы, но она борется за право на существование и побеждает, возвращаясь к жизни. Тема природы становится

основной для первого финноязычного сборника стихов Мишина - Хийри не только потому, что она относится к числу «вечных» тем литературы, но и потому, что ему надо освоить пространство своей утраченной родины. Природные образы Карелии во многом совпадают с природными образами Ингерманландии, малой родины поэта. Обрисовав отдельно взятые деревья, леса, озёра, лирический герой будто приближается к своему родному дому. Время жизни дерева больше, чем срок жизни человека. Деревья всегда остаются на своей земле, в отличие от людей, покидающих по своей воле или против своей воли родные места. Таким образом, они, по словам поэта, наделены памятью поколений.

Как уже было отмечено, тема природы в финноязычных стихах тесно переплетается с проблемой памяти: памяти детства, утраченной родины (во время войны финны были интернированы из Ингерманландии³, куда им не позволили вернуться после её окончания: их родина перестала существовать как место компактного проживания финнов). Тоска лирического героя о своём прошлом, своих корнях не даёт ему покоя. Детство напоминает ему о беззаботном времени, которое как светлое воспоминание кажется «*niin lähellä, mutta kuitenkin niin tavattoman syvällä menneisyydessä olet*» [Hiiri 1976, с. 58] («так близко, но, всё-таки, так недосыгаемо глубоко в прошлом ты есть»)⁴.

Не находя успокоения своей истосковавшейся душе, лирический герой словно пытается понять и найти истоки этой тоски. Он обращается к дереву, человека и дерево «связывает между собой память - категория, обладающая актуальным нравственным содержанием: без памяти человек не просто незащищен и одинок, - он перестаёт быть самим собой» [Алто 1997, с. 164].

Muistaako puu lapsuutensa?

Помнит ли дерево своё детство?

³ Ингерманландия (по-русски: Ингрия, Ижорская земля, по-фински: Inkeri, Inkerinmaa) – историческое название территории бассейна реки Нева и юго-восточного побережья Финского залива, которое издавна населяли прибалтийско-финские народы: ижора, воль, с XVII века – ингерманландские финны.

⁴ Здесь и далее перевод М. В. Казаковой, если не указано иное

Vaiko kurottaa
latvustaan päin päivää
surematta lainkaan juuriaan,
joista on aloittanut kasvunsa?
Minun, ihmisen,
on sääli etääntyä
yhä kauemmaksi juuristani –
lapsuudestani.
[Hiiri 1976, с. 59]

Или же тянется
своей кроной в сторону дня
не сожалея о своих корнях,
из которых начало свой рост?
Мне, человеку,
жалко отдаляться
всё дальше от моих корней –
от моего детства.

Непреодолимо для лирического героя остаётся и чувство тоски по родному селу. «Родные отцовские дали» манят своею красотой, заставляя лирического героя всё снова и снова мысленно возвращаться туда, куда уже нет возможности вернуться. Его стихи наполнены светлой, но печальной памятью об утраченной родной земле.

Причина утраты родины кроется для него в страшном слове война, которая пришлась на период его детства. Для Мишина - Хийри – детство и всё, что с ним связано – это, прежде всего, светлое воспоминание, которое помогает преодолевать самые сложные моменты в жизни. Лирический герой его стихов стремится познать сегодняшний мир сквозь «призму» прошлого, в котором он черпает силу и вдохновение. Иногда кажется, что он всё-таки пытается спрятаться за свои воспоминания о былом, хотя, в действительности, он ищет в них опору. Он соотносит свои поступки и свою жизнь, опираясь на опыт предыдущего поколения, которое выдержало испытание войной и является для него мерой праведности. Именно война totutti minut // koko ikäni // katsomaan // niiden vuosien läpi // tämän päivän tapahtumia, // ihmisiä // ja tulevaisuuttakin [Hiiri 1976, с. 12] (приучила меня // всю жизнь // смотреть // через те года // на события сегодняшнего дня, // людей // и будущее).

В поэзии Мишина - Хийри 1970-х годов продолжается активное осмысление трагического исторического прошлого страны, преломившегося в его собственной судьбе и судьбе его близких. Тема войны, тема памяти проходит сквозь всё творчество Олега Мишина – Армаса Хийри.

В его лирике дерево выступает символом терпения, мужественности и стойкости. Оно готово вынести все трудности борьбы с природной стихией за право на дальнейшее существование: морозной, холодной зимой, когда всё бездыханно, голо и безжизненно, уповать на весеннее перерождение, а весной помнить о кратковременности и мимолётности периода расцвета. Герой не просто сравнивает себя с деревом: верба является для него символом нравственного идеала.

Olen paju jokirannassa	Я верба на берегу озера
talven hyisen tuulen	из-за ледяных зимних ветров
ja pakkasen	и морозов
kohmetuksessa.	окоченела.
Mutta suojasään tullen	Но с наступлением оттепели
unohdan tyyten	забываю полностью
kaikki vaivani	все трудности
ja olen jälleen	и как прежде
valmis uskomaan	готова поверить
kevääseen.	в весну.
Ja silmuni taas puhkeavat.	И почки мои снова распускаются.
vaikka huomenna paukkaisi	даже завтра если ударят
vieläkin kovemmat pakkaset.	ещё более сильные морозы.
[Hiiri 1976, с. 46]	

Воскресая к жизни с приходом весны, дерево становится символом бессмертия - памяти. Увядание и цветение, смерть и рождение – отражаются и в стихах, посвященных малой родине поэта Ингерманландии, некогда забытому родному финскому языку и его носителям финнам-ингерманландцам. Слова финского языка разлетаются у него, не случайно, как листья. Тоска по утраченной малой родине, культуре предков и материнскому языку акцентируется у Мишина - Хийри в образе дерева. Конкретизируя этот образ, поэт передаёт нам оттенки восприятия тоски по утраченной малой родине.

Unohtuivat miltei kaikki sanat.	Позабылись почти все слова.
Muistissani säilyivät	В памяти моей остались
vain muutammat:	лишь некоторые:
äiti isä	мать отец
Leipä	Хлеб

aurinko	солнце
maa.	земля.
Kuin silmut	Как почки
ne odottivat aikaansa	они ожидали своего времени
Äkkiä	Вдруг
toinen toistensa jälkeen	друг за другом
kevätlehtina	весенними листочками
äidinkieleni sanat	слова родного языка
puhkesivat viheriöimään	зазеленели
herättäen	пробуждая
ikuiseen huminaan	к вечному гулу
sodan liekeissä hiiltyneet	в пламени войны обуглившиеся
kotikyläni unohtumattomat puut.	родной деревни незабываемые деревья.
[Hiiri 1976, с. 9]	

Отметим, что тихая печаль об утраченном языке и культуре трансформируется в светлую надежду на возрождение. Лирический герой так же верит в возможность вновь заговорить на родном языке, как и дерево уповает на то, что нагота временная.

Если в финской лирике поэта образ дерева обретает символ памяти родного языка, а его листья подобны словам, которые со временем обретут истинную форму и расцветут в полной мере, то в русскоязычных стихах лирический герой чувствует «ощущенье острой // вины и грусти на душе, // что я забыл язык отцовский // и вспомнить не могу уже» [Мишин 1970, с. 86].

Указанный нами ранее мотив пути как основной, в работе Е. И. Марковой получает новую интерпретацию. Да, поэту интересен каждый миг в пути, но обращает внимание, что нет точки, в которую он возвращается, нет образа дома, что указывает на маргинальное положение героя [Маркова 2000, с. 371-376].

Мотив дороги звучит у него и как мотив расставания с родным домом, родным селом, и как мотив жизненного пути, где сплетаются воедино все жизненные сиюминутные коллизии с вечным, где движение не кончается, а устремляется вперед в поисках истины, любви и гармонии.

Мотив пути в финской лирике поэта приобретает значение поиска родного берега. В стихотворении «Jäälauttoja...» лирический герой наблюдает за льдинами, которые «tuulen pirstomia, // aaltojen särkemiä...» [Hiiri 1976, с. 49] (ветром разломленные, // волнами разбитые). Они стойко и мужественно борются за обретение родного берега, где «saisivat // rauhasa sulaa» [Hiiri 1976, с. 49] (бы могли // спокойно растаять), но лирический герой знает результат этой борьбы и поэтому с сочувствием называет их «jääpöloisia» (ледяные бедняжки).

На наш взгляд, билингвизм Мишина - Хийри – это, скорее, попытка обрести гармонию с самим собой и с окружающим миром, потребность в раскаянии и прощении.

Тема малой родины в его стихах – не только предмет созерцательного восхищения красотой пейзажа, и не только трепетная любовь к месту, где ты родился, но, прежде всего, переживание за её судьбу и дальнейшее существование, трагическое ощущение утраты своей малой родина, своих корней, осознание своей «бездомности».

Национальная специфика характерна для творчества поэта, не зависимо от того, на каком языке он создает произведения (на родном или русском). В своей билингвальной лирике О. Мишин – А. Хийри пытается раскрыть и познать национальные основы своего народа, его культуру, донести до окружающего мира идею национальной уникальности, воздать дань своему народу, своим предкам, не дать им раствориться среди народа-доминанта.

В творчестве Мишина - Хийри тема утраченной малой родины тесно связана и с темой утраты родного языка. Лирического героя не покидает мысль, что он позволил себе позабыть «язык отцовский», что в памяти остались лишь отдельные слова («мама, папа, хлеб, солнце, земля»).

Почтение и любовь к своему народу подвигло Мишина практически заново выучить родной финский язык, ставший для него неким связующим звеном, нитью, протянувшейся от настоящего к прошлому, соединившей его со своими корнями, со своим народом.

Четвертая глава «Билингвальная лирика Олега Мишина – Армаса Хийри 1980-х годов: тематика и поэтика» рассматривает творчества поэта на двух языках с позиции поиска национальной идентичности.

1980-1990-е годы стали для литературы Карелии периодом национального пробуждения, когда на поэтическую арену вышли ряд писателей и поэтов, творящих на двух языках: родном и русском (карел-ливвик А. Волков, вепс Н. Абрамов), продолжает творить и Мишин – Хийри. Он не просто продолжает работать на двух языках, а становится примером для авторов-билингвов, они учитывают в своем творчестве его опыт.

Характеризуя лирику Карелии 1980-х годов, Е. И. Маркова пишет: «Поэты верили, что спасти страну от распада поможет возвращение к своим корням, первоистокам природно-крестьянского мира, осмысление основных первообразов ноосферы» [История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3. 2000, с. 289].

В 1980-е годы из-под пера поэта выходят два финноязычных сборника «Juuret avaruuteen» («Врастать корнями в небо») (1980), «Kotikyläni pääskysel» («Ласточки моей деревни») (1986) и три русскоязычных «Снег на пушках» (1980), «Мгновения» (1982), «Сопричастность» (1985).

Его русскоязычная лирика 1980-х годов довольно оптимистична. Лирический герой опять предстаёт перед нами вечным путешественником, постоянно стремящимся куда-то, готовым к новым открытиям и впечатлениям, свободным и романтическим. В то же время в его творчестве появляются новые акценты: появляется мотив возвращения.

Но, как бы далеко ни увели
Пути-дороги от родного края,
Я всюду рубежи родной земли,
Как крылья за спиною, ощущаю.
[Мишин 1982, с. 41]

Для финноязычной лирики Мишина - Хийри 1980-х годов характерны более сумрачные оттенки. Поэт стремится к гармонии со своим внутренним

миром, познанию себя, покаянию, выуживая из памяти отдельные, возможно, малозначимые для других, переживания. Его финноязычная лирика 1980-х годов задумчива, медитативна, герой беспощаден к себе. Обращаясь к творчеству на финском языке, Мишин - Хийри не просто возвращает дань и уважение своим предкам, но и стремится получить прощение за то, что не смог сохранить свою этническую уникальность.

В лирике Мишина - Хийри всё чаще начинают появляться традиционные для его родной культуры символы: ламбушки, сопки, брусничный сок, пригоршня черничин, сосна-красавица. Природа в его русских стихах 1980-х годов антропоморфизируется, она приобретает те черты, которые характерны для северных народов: финнов, карелов, вепсов.

Наполняя текст стихотворения символами родной культуры, поэт целенаправленно подталкивает к межкультурной коммуникации, где созданный образ формирует новый контекст с новым смыслом.

Красная торпа на склоне скалистом –
окна в блеске вечерней зари.

А внизу –
желтеющие поля.

[Мишин 1982, с. 16]

В финском языке и культуре слово «торпа» означает участок земли, сдаваемый владельцем в аренду для осуществления хозяйственной деятельности. Слово «торпа» отсылает читателя к эпохе безземельного крестьянства в Финляндии, к целому ряду исторических событий. По мнению Е. Н Кремер, «заимствованная лексика «не работает» на сближение языков, а способствует раскрытию концептов как ментальных единиц иной культуры [Кремер 2010, с. 18]. Вводя в текст стихотворения чуждое для русской культуры слово, но родное для своей финской, автор раздвигает контекстуальный план лирики, обогащая и развивая русскую культуру и русский язык.

Дополняя и обогащая друг друга, русская и финская традиции уже гармонично сосуществуют в сознании автора, выводя его текст на новый

качественный уровень, где главное - этническая самость проступает на поверхность, маркируя инокультурное пространство. Таким образом, билингвальный автор находится в состоянии постоянного диалога двух разноязычных культурных систем. Задачами такой коммуникации является трансляция явлений одной культуры средствами языка другой.

Творчество Олега Мишина - Армаса Хийри - яркий пример диалога сознания билингвальной личности, при котором взаимовлияние и взаимообогащение двух культур - русской и финской, рожают новый уникальный художественный продукт.

В пятой главе «Билингвальная лирика О. Мишина – А. Хийри 1990-х годов: тематика и поэтика» представляется поэтическая география поэта. На поэтической карте лирический герой – путешественник обозначает дорогие ему места. Большая и малая родины приобретают конкретные географические очертания.

Отметим, что ранняя билингвальная лирика поэта осваивает природное пространство северного карельского края. В стихотворениях этого периода детально прорисованы озера, реки, деревья, лесные тропинки, ягоды, птицы. Видимый (часто из окна) карельский пейзаж проецируется в сознании лирического героя на образ малой родины Ингерманландии, как того конечного пункта, куда герой всё время стремится в своих исканиях. Но в стихах этих лет Мишин ещё не обозначает эту точку, не называет ее.

В 1990-е годы Мишин – Хийри публикует ряд сборников: русскоязычный «Свет рябиновый» (1990), финноязычный «Aika muuttuu meissä» (1992) («Время изменяется в нас») и «Inkeriläisen laulu = Песнь ингерманландца» (1995), в который включена лирика на финском и на русском языках.

Обращает внимание тот факт, что в 3 небольших книгах (383 стиха) более 160 раз упоминаются различные топонимы. Поэт визуализирует свой дом, в широком смысле это – вся Россия.

Звучат названия городов (Москва, Ленинград, Рязань, Петрозаводск, Сегежа и др.), крупных регионов (Урал, Сибирь, Кавказ, Крым), рек (Волга, Ока, Неглинка, Лососинка, Выг, Назия), озёр (Ладога, Онежское озеро\Онего). Поэт создаёт образ великой России, выстоявшей в самые сложные периоды своей истории благодаря мужественности, негибамости и силе духа её граждан.

Где стучал когда-то
гулкий пулемёт,
на скале покатоЙ
Иван-чай цветёт.
В утренних туманах,
в серебре росы –
в память об Иванах,
живших на Руси.
[Мишин 1990, с. 125]

Поэт ощущает свою принадлежность, сопричастность не только России, но и всей её истории. Об этом свидетельствуют историческое название Русь, и имена героев, павших в боях за неё. Возможно, в паспортах у воинов записаны разные имена, но для мира все они – русские Иваны, в память о которых цветет растение, носящее такое имя.

В народе Иван-чай называют ещё и «пожарником», ведь именно он первым появляется на выжженных огнём местах, укрывая место пожарища ярким малиновым ковром своих цветов. Так и русский человек, несмотря ни на какие беды и годы лихолетья, стоек и силён.

Лирический герой не только открывает для себя свою великую страну, но и стремится обрести свой дом. Как уже было сказано, путь на родину ему был закрыт. Нет, в 1990-е гг. никто не мешал ему приехать в бывшие места поселения финнов-ингерманландцев. Место сохранилось, но там жили уже другие люди. Дух Ингерманландии и её народа не ощущался.

И герой понимает: его дом – Карелия. В этом сборнике, как никогда раньше, много топонимов, функционирующих подчёркнуто локально, обретая при этом символическое значение.

Точечно выписаны улицы, районы, водные объекты Петрозаводска (улица Чапаева; микрорайоны Кукковка, Сулажгора, Соломенное, Ключевая; реки Неглинка, Лососинка; Онежское озеро), а также города (Кемь, Олонец) и посёлки (Калевала, Повенец) Карелии. Очерченный им географический ареол создаёт своеобразное ментальное пространство, в котором лирический герой фокусирует внимание на значимых для него локусах. В этих стихах нет ни трагического, ни патетического звучания, но есть ощущение каждодневного соучастия лирического героя в происходящем.

Освоенное чужое пространство, а вместе с тем и культура, постепенно обращаются в близкое, родное, своё. Карелия становится вновь обретённым домом, в котором лирическому герою всё знакомо и ценно, а потому встречаемые улицы, районы, города, реки, озёра не только описаны, но и названы по отдельности, зафиксированы в сознании героя как значимые объекты.

Финно-угорские народы проживают не только на северо-западе России. Осознавая себя их частью, где «предки предков моих // на Оке свои лодки долбили. // Смёл их времени вихрь, // но известно: здесь пращуры были» [Мишин 1990, 119], лирический герой в то же время, воспринимает себя неотъемлемой частью России, её многонациональной культуры и потому утверждает: «Пусть язык мой звучит // равноправно среди многих наречий» [Мишин 1990, с. 119].

Карелия не просто приютила юного ингерманландца, она взрастила его, здесь он стал поэтом, певцом Ингерманландии, что впервые прозвучала в двуязычном сборнике стихов автора «Песнь ингерманландца = Inkeriläisen laulu». Через эту карельскую землю он связан с большой Родиной – Россией. А тот утраченный дом детства всплывает в памяти лирического героя, о чём говорят топонимы: Ууси кюля, Муя, Мга, Назия.

«Топонимическое» пространство финноязычных стихотворений сужается, и внимание героя фокусируется на двух локусах: Карелия и Ингерманландия, – которые представляют собой не только некогда

пограничные территории, но и единое духовное пространство, связывающее лирического героя с памятью предков, в том числе благодаря общему финскому языку.

Ставшая «своей», Карелия помогла герою соединить его прошлое и настоящее, освоить родную культуру благодаря характерному для нее посредству национального прибалтийско-финского (финского, карельского, вепского) конгломерта. Хотя лирический герой и ощущает себя «täällä kuin mustalainen» [Hiiri 1992, с. 7] («здесь как цыган»), он по достоинству оценивает заслуги Карелии в развитии культуры, для которой долгие годы приоритетным был финский язык.

Minulle suomea opetit –
äitini, isäni kieltä,
täysin jo unohtunutta
vierailta mailla.
[Hiiri 1992, с. 7]

Меня ты обучила финскому языку –
языку матери и отца,
совершенно уже забытого
в чужих краях.

Топонимические знаки в лирике Мишина - Хийри 1990-х годов участвуют в создании индивидуально-авторского стиля поэта, отражающего духовно-нравственную картина мира автора через узнаваемые образы, наделённые самостоятельной метафункцией. В творчестве Мишина - Хийри 1990-х гг. таким знаковым образом становится малая родина поэта, воссозданная им через образы утраченной родины Ингерманландии и родины Карелии, принявшей его как сына. Топонимы в его лирике указывают не только на географические объекты: они связаны с биографией поэта, историей его рода и России. Обилие топонимов в поэтических книгах, на наш взгляд, говорит не только о движении героя в пространстве, но и о движении героя во времени: это не только изучение им новых мест, но и познание самого себя, возвращение к себе как этническому финну-ингерманландцу.

В Заключении подводятся итоги исследования, делаются выводы о развитии билингвального художественного творчества Мишина – Хийри в 1970-1990-е годы.

1. Лирический герой билингвальных стихов Мишина – Хийри – *путешественник*, плененный мгновением бытия, находится в поиске своих корней, своего дома. Этот поиск приводит его в природный мир, который становится тем самым вновь обретенным домом, в котором он находит близких друзей. Малая родина постепенно обретает свои черты.

2. Тема утраты малой родины тесно переплетается с темой утраты родного языка. Лирический герой верит в возрождение забытого языка и культуры своих предков, благодаря возвращению которых он надеется приблизиться к своим истокам. Тема *памяти* – одна из основополагающих тем лирики Мишина – Хийри на русском и финском языках, выражающаяся в организации сюжета и мотивов, и в основных символических рядах.

3. Благодаря билингвальному творчеству поэт возвращает свою *национальную идентичность*. Его лирический герой начинает осознавать себя частью двух культур: родной финской и русской. Судьба малой родины – трагична, Ингерманландии больше нет на карте мира, но в силах лирического героя рассказать о ней будущим поколениям, тем самым соединить историю своего рода с сегодняшним днем.

4. Русские и финские тексты автора вступают в ментальный *диалог*, результатом которого является многоголосье смыслов текстов. Русский текст – билингвален. В нем отражается индивидуально-авторское видение этнического сознания финно-угорских народов. Финский текст включает в себя элементы русской эстетики, репрезентуя пласт русской, северорусской картины мира, следуя во многом традициям русской словесности. Билингвальный ментальный диалог приводит к осознанию себя феноменом двух культур: чужая (русская) становится своей, а своя (финская) вновь начинает занимать свое, некогда опустевшее место. Утраченная малая родина Ингерманландия и родная финская культура, а также принятая и принявшая родина Карелия как часть большой родины России обретают конкретные черты.

5. Для современного литературоведения значимым является вопрос изучения литературного контекста. Литература Карелии, традиционно разделенная на контексты: русский, финский, карельский, вепсский, может быть осмыслена с позиции билингвального контекста, что и было предпринято нами в диссертационном исследовании.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных перечнем ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Казакова, М. В. Проблемы билингвального контекста в истории литературы Карелии / М. В. Казакова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования. - Петрозаводск, 2015. - № 8. - С. 113-120.

2. Казакова, М. В. Поэтическая география в билингвальной лирике А. И. Мишина (Олега Мишина - Армаса Хийри) 1990-х годов / М. В. Казакова // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2018. – Т. 12. - №4. - С. 44 - 53.

3. Казакова, М. В. Символика деревьев в билингвальной лирике А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2019. - № 5 (182). – С. 31–36.

Иные публикации:

4. Казакова, М. В. Проблемы билингвизма в поэзии Олега Мишина – Армаса Хийри 1970-х годов [Электронный ресурс] / М. В. Казакова // Материалы науч. конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». – Электрон. ст. - Петрозаводск, 2015. - 282 с. - URL: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/bubrih_cht_2015.pdf.

5. Казакова, М. В. Тема малой родины в творчестве современных поэтов Карелии / М. В. Казакова // Сборник материалов научно-практической конференции «Финно-угорские народы Северо-запада России: традиции и современность. - СПб, 2015. – С.14.

6. Казакова, М. В. Биография Армаса Иосифовича Хийри сквозь призму библейского сюжета / М. В. Казакова // Материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и

Карельской епархии. - Петрозаводск, Издательство ПетрГУ, 2016. - С. 372–377.

7. Казакова, М. В. Билингвизм в литературе как отражение национальной идентичности автора (на материале лирики Олега Мишина-Армаса Хийри 1980-х годов) [Электронный ресурс] / М. В. Казакова // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию КарНЦ РАН. – Электрон. ст. - Петрозаводск, 2016. - С. 455–457. - URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/krc-70/krc-70_13.pdf#page=468.

8. Казакова, М. В. Ингерманландский эпос «Лиекку [Электронный ресурс] / М. В. Казакова // Коренные народы Карелии. – Электрон. ст. - Петрозаводск, 2016. - URL: <http://knk.karelia.ru/2016/12/ingermanlandskij-epos-liekku.html>.

9. Казакова, М. В. А. И. Мишин - переводчик и исследователь "Калевалы" [Электронный ресурс] / М. В. Казакова // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: Карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур». – Электрон. ст. - Карельский научный центр РАН (Петрозаводск), 2016. - С. 37–40. - URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=29120>.

10. Казакова, М. В. Билингвальное художественное творчество как отражение национальной идентичности автора (на материале лирики Олега Мишина – Армаса Хийри 1970-1980-х годов) / М.В. Казакова // Folklore and written traditions of the finno-ugric peoples. Abstracts of the 5th day of Agricola conference. University of Tartu Narva College. - Narva, Estonia: Tartu Ulikooli Narva Kolledz, 2017. - С. 30.

11. Казакова, М. В. Интеркультурный аспект в билингвальной поэзии А. И. Мишина (Олег Мишин-Армас Хийри) / М. В. Казакова // «Свое» и «чужое» в культуре: материалы XI Международной научной конференции. - Петрозаводск, 2017. - С.154-155.

12. Казакова, М. В. А. И. Мишин - первый поэт-билингв в Карелии: личность и творчество [Электронный ресурс] / М. В. Казакова // Краеведческие чтения: материалы XI научной конференции. – Электрон. ст. - Петрозаводск, 2017. - С. 414–419. - URL: <http://library.karelia.ru/files/11753.pdf>.

13. Казакова, М. В. Билингвальное художественное творчество как отражение национальной идентичности автора (на материале лирики А. И. Мишина) / Vabaduse kontsept Ida-Euroopa kirjandustes. Voru : Voro Instituut, 2017. - С. 55-70.

14. Kazakova, M. V. Pihlajainen kotimaa / M. V. Kazakova // Carelia. - Петрозаводск, 2015. - № 1. - S. 31-33.

15. Kazakova M. V. Armas Hiiri - runoilija Markkova-Jarvisaaren Pien-Autiolta / M. V. Kazakova // INKERI. - Tartu, Estonia, 2017. - №2. - S. 8-9.

УЧАСТИЕ В ПРОЕКТАХ

1. Международный проект: «Современная литература Финляндии. Проблемы перевода», Союз писателей Финляндии, Финляндия.
2. проект «100 лет литературы Карелии», Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН)
3. проект «Модернизация образовательных программ. Действующие ОП бакалавриата. Филология (профили, связанные с изучением национальных языков)», кафедра прибалтийско-финской филологии института филологии ПетрГУ
4. проект «Финно-угорский мир. Комплексный», кафедра прибалтийско-финской филологии института филологии ПетрГУ
5. международный проект «Nel'l'an kanzan kodi: Куукка-кыла» (Финляндия)

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айтматов, Ч. Т. Билингвизм как объединяющий фактор / Ч. Т. Айтматов // Стратегия России. - 2008. – № 1.- С. 35–38.

Алто, Э. Л. История литературы Карелии: в 3 т. Т. 2, Финноязычная литература Карелии / Э. Л. Алто. - Санкт-Петербург : Наука, 1997. – 244 с.

Баландин, Т. В. "Петрозаводские северные вечерние беседы" и другие сочинения и письма / Тихон Васильевич Баландин ; [сост. и отв. ред.: А. В. Пигин; КарНЦ РАН, ИЯЛИ, Петрозаводский государственный университет. - Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2016. - 383 с.

Бахтикиреева, У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : спец. 10.02.01. - Русский язык : дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук / У. М. Бахтикиреева. – Москва, 2005. – 386 с.

Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. - Изд. 4-е. – М. : Советская Россия, 1979. - 316 с.

Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. – М. : Издательство Московского университета, 1969. – 160 с.

Гачев, Г. Д. Национальные образы мира : общие вопросы, русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский / Г. Д. Гачев ; [предисл. Е. Сидорова]. – М. : Советский писатель, 1988. – 445 с.

Гринберг, С. А. Влияние белорусско-русского двуязычия на мировоззрение и национальное самосознание белорусов / С. А. Гринберг // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2015. - № 5. – С. 326–330.

Гусейнов, Ч. Г. Проблемы двуязычного художественного творчества в советской литературе / Ч. Г. Гусейнов // Единство, рождённое в борьбе и труде. – Москва, 1972. - С. 300–317.

История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3. / редкол.: Н. С. Надъярных, Ю. И. Дюжев, Э. Л. Алто и др. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. - 458 с.

Кремер, Е. Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма : языковая и этническая идентичность билингвальной личности : спец. 10.02.20. - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Е. Н. Кремер. - Москва, 2010. - 203 с.

Маркова, Е. И. Олег Мишин (Армас Хийри) / Е. И. Маркова // История литературы Карелии: в 3 т. Т. 3. - Петрозаводск, 2000. - С. 371–376.

Мишин, О. Мгновения : стихи / Олег Мишин. - Петрозаводск : Карелия, 1982. - 71 с.

Мишин, О. Свет рябиновый : лирика / Олег Мишин ; - Петрозаводск : Карелия, 1990. - 238 с.

Мишин, О. Солнечный день: стихи / Олег Мишин. - Петрозаводск: Карелия, 1970. - 95 с.

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 146 с.

Туксаитова, Р. О. Когнитивная специфика билингвистического художественного текста (на материале русскоязычной казахской прозы) / Р. О. Туксаитова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Астана, 2006. - № 4. - С. 125–140.

Хурмеваара, А. Г. О национальной специфике литературы / А. Г. Хурмеваара // Сборник критических статей. - Петрозаводск, 1959. - С. 129 – 138.

Hiiri, A. Aika muuttuu meissä : Runoja. Runoelma / Armas Hiiri; - Petroskoi : Karjala, 1992. - 68 s.

Hiiri, A. Ikkunani katsoo maailmaan: runoja / A. Hiiri. - Petroskoi: Karjala, 1976. - 95 s.

Hiiri, A. (Мишин Олег). Inkeriläisen laulu=Песнь ингерманландца: runoja, runoelma / Armas Hiiri. – Petroskoi : Verso, 1995. - 127 s.